

мур

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ССР
ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В. И. ЛЕНИНА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СССР

При.

Сталинабад
1960

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ССР
ТРУДЫ ТАДЖИКСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. ЛЕНИНА
т. XXVII. СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК. ВЫП. I.

П 2
129а

П 2
129а

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СССР

Сталинабад
1960

В. С. БИБЛЕР, А. Г. СЛОНИМСКИЙ

Г. В. ПЛЕХАНОВ И УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-ДЕМОКРАТОВ.

Вопрос этот может представиться частным вопросом. И, в известной мере,— это так. Характеристика миросозерцания великого русского марксиста связана с десятками, и мы не ошибемся,— если скажем,— сотнями, таких теоретических вопросов, проблем, сопоставлений, коллизий. Но если вдуматься глубже, этот частный вопрос окажется узловым пунктом трех проблем, проблем ключевых для понимания всего теоретического и политического облика Георгия Валентиновича Плеханова.

При разрешении этого частного вопроса можно, во-первых, глубже осмыслить роль Плеханова в переходе русского революционного движения к научному социализму Маркса.

Во-вторых, этот частный вопрос позволяет отчетливо представить плехановскую концепцию русского исторического пути в целом и развития русской общественной мысли в особенности.

В-третьих, этот вопрос позволяет в новом разрезе раскрыть отношение русской революционной демократии к ленинизму.

Таким образом, решение этой узкой, но узловой проблемы освещает под новым углом зрения весь сложный и противоречивый облик Г. В. Плеханова. Мы подчеркиваем — противоречивый облик. Не говорить о противоречиях и ошибках Плеханова означало бы, помимо всего прочего,— не уважать его. Тот, кто ничтожен, тот окончательно уничтожается от напоминания об его ошибках. Тот кто велик, тот от освещения ошибок не становится меньше, но становится более человечен, более понятен, раскрывается не как памятник, а как живой исторический деятель сложного исторического процесса.

Плеханов однажды писал: «Напоминаем читателю, что мы указываем на ошибки Чернышевского вовсе не для того, чтобы нападать на этого в высшей степени замечательного человека, а единственно для того, чтобы как можно лучше выяснить себе сильные и слабые стороны его миросозерцания».¹

Мы указываем на ошибки Плеханова в тех же целях — для того чтобы лучше выяснить себе сильные и слабые стороны миросозерцания этого замечательного человека.

Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов были не только русскими утопическими социалистами, но прежде всего революционерами-

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 49.

демократами. Однако Плеханов в абсолютном большинстве работ о Белинском, Герцене, Чернышевском, Добролюбове сосредоточил огонь критики и свет одобрения именно на утопическом социализме, скажем шире — на теоретических воззрениях наших демократических мыслителей XIX века. И мы, вслед за Плехановым, сосредоточиваем пока свое внимание именно на этой стороне их мирозерцания.

Непременная заслуга Плеханова состоит, во-первых, в том, что он сумел показать место русского утопического социализма в развитии русской общественной мысли, показать объективную обусловленность социалистических воззрений Белинского, Герцена, Чернышевского и их соратников. Теоретическая и политическая деятельность этих великих ученых и экономистов, представлявшаяся до Плеханова каким-то случайным, зависящим только от их личных способностей и наклонностей, просветительским подвигом, оказалась необходимым звеном русского экономического, политического, теоретического развития от феодализма — к капитализму и, далее, — к социализму.

Во-вторых, Плеханов с полной убедительностью показал утопический характер социализма Герцена и Чернышевского, теоретическую несостоятельность их расчетов на победу в России особого крестьянского социализма, на то, что Россия придет к социализму через сельскую общину, минуя капиталистическую стадию. Раскрытие утопического характера теорий и прогнозов революционеров-демократов было очень важным моментом в борьбе Плеханова и всего русского марксизма в целом против народничества, за создание подлинно марксистской пролетарской партии. Известно, что русские народники 90-х годов любили ссылаться и опираться на теоретическое наследие Герцена и Чернышевского, на наследство, революционное содержание которого они изрядно промотали в своих либеральных компромиссах и тактических комбинациях. Но в идеологической борьбе, завязавшейся в 90-х годах прошлого века, недостаточно было указывать на то, что либеральные народники растратили этот революционный капитал. Нужно было взять быка за рога. Нужно было с полной принципиальностью подчеркнуть, что и сам этот революционный капитал был далеко недостаточен для дела социалистической революции, надо было показать, что и собственные воззрения великих русских социалистов XIX века, при всем значении этих идей, не могли быть программой переустройства России. Плеханов доказал, что при самом своем возникновении, в эпоху лучших революционных идеалов и стремлений, крестьянский социализм оставался утопическим социализмом, искажающим действительные предпосылки и возможности победы социализма в России.

После работ Плеханова стало совершенно ясным, что «при выработке своих социалистических воззрений Чернышевский не принимал в расчет научного социализма... его мысль еще не вышла за пределы утопического социализма, хотя в этих пределах она обнаруживала огромную ясность, смелость и критическую силу».¹

Этот вывод целиком приложим ко всем революционерам-демократам России.

Раскрывая утопичность, ненаучность социализма русских революционеров-демократов, Плеханов подмечает два момента. На основе большого фактического материала он вскрывает рационализм, еще сохраняющийся в мировоззрении Герцена и Чернышевского, хотя этот рационализм выступает в новой, гораздо более реалистической, трезвой, «деловой» форме, чем, к примеру, в фантастических проектах Фурье. Если Чернышевский считал необходимым доказать «здравым русским людям» экономическую вы-

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 3—4.

Годность социализма и высмеивал надежды на сентиментальную проповедь всеобщей любви, то этим он еще ни в какой мере не выходил за рамки рационалистических воззрений. И в такой оценке взглядов Чернышевского Плеханов был совершенно прав.

Второй момент. Плеханов идет дальше. Он очень тонко подметил рационалистический момент в учении Чернышевского и Герцена о социалистическом будущем русской общины. Для того, чтобы расчеты на общину были подлинно научными, мало доказать ее фактическое существование в России, ее выгодность при механической обработке земли, привычку к ней русского мужика. Все это сделал Чернышевский. Но «Чернышевскому следовало показать, — пишет Плеханов, — что в русской общине есть именно та внутренняя логика отношений, которая со временем должна привести ее от общинного владения землей к общинной ее обработке и к общинному пользованию ее продуктами». ¹ Не показав этой внутренней логики развития общины, (а показать ее Чернышевский не мог, ибо в развитии общины была прямо противоположная логика — к распаду, к разложению), великий революционер-демократ вынужден был вновь сослаться на логику «здравого смысла» — помилуйте, есть такая хорошая зацепка для социализма, его живой кусочек, почему бы здоровым людям не воспользоваться этим кусочком и не раздуть его в целое, в социалистическое общество? Но такая надежда на здравый смысл толковых людей как раз и означала возвращение к старым рационалистическим иллюзиям XVIII века.

Если вспомнить поразительный полемический талант Плеханова, его подавляющую противника эрудицию, его принципиальную, бесспорную научную правоту, мы пойдем каким страшным ударом по народничеству оказалась эта плехановская критика утопизма Герцена и Чернышевского. Не будем подробнее останавливаться на этой стороне вопроса. Роль Плеханова в разгроме народнических иллюзий достаточно известна. Обратим внимание на такую немаловажную деталь, показывающую Г. В. Плеханова не только как теоретика, но и как умелого политика. Основные работы Плеханова, раскрывающие непреходящее объективное значение, позитивное содержание общественно-политической мысли Белинского, Герцена, Чернышевского, относятся прежде всего к тому периоду, когда народники были окончательно разбиты и подчеркивание утопичности, ненаучности их взглядов было уже не столь актуальным. И наоборот, в период борьбы с народничеством Плеханов сосредоточивает огонь именно на утопических слабостях социализма Герцена и Чернышевского, он доказывает невозможность говорить (а именно это пытались утверждать Герцен и Чернышевский) о каком-то принципиальном, коренном отличии исторического развития России и Западной Европы. Доказательство общеприменимости учения марксизма о победе пролетарской революции как единственном средстве победы социализма, — вот та абсолютно правильная и необходимая позиция, с которой бьет первый русский марксист по русскому мессианству крестьянских социалистов, в какой бы форме это мессианство ни выступало, даже если оно выступало в форме отважного революционного демократизма прокламации «К барским крестьянам».

В работах более позднего периода, когда острота борьбы с народниками отошла в прошлое, Плеханов поднимает важнейший вопрос — о своеобразии, коренном преимуществе утопического социализма «великих русских просветителей» XIX века по сравнению с утопическим социализмом Фурье или Сен-Симона. Тут-то и начинается основная проблематика настоящей статьи. Как раз в этом вопросе Плеханов и обнаружил особую силу своей

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 35.

теоретической принципиальности и вместе с тем — границу, или, точнее сказать, ограниченность своего мировоззрения.

В. И. Ленин любил повторять, что недостатки людей часто оказываются продолжением их достоинств. Это полностью применимо к плехановской критике русских революционеров-демократов. Сила абстрактного доказательства единства исторического развития России и Западной Европы оборачивается слабостью, таит в себе опасности и ошибки, — в ходе конкретного анализа своеобразие русского исторического пути в рамках единых закономерностей.

Но начнем по порядку.

* * *

В работах 80-х и 90-х годов Плеханов, правильно и интересно раскрывая утопический характер социализма русских революционеров-демократов, почти ничего не говорит о своеобразии этого утопизма по сравнению с утопическим социализмом Сен-Симона, Фурье, Оуэна. Там, где Плеханов указывает на отличие воззрений Чернышевского и Сен-Симона, он не забывает подчеркнуть, что это — неизбежное индивидуальное различие в пределах одного «вида». О социальной и теоретической обусловленности этого различия Плеханов не упоминает. Между тем, если взять даже деталь, то одна статья Герцена о Роберте Оуэне убедительно показывает, что русский и западно-европейский утопический социализм — это не индивидуальные нюансы, а, по меньшей мере, две различные «разновидности».

В более поздних статьях о Белинском и Герцене (девятисотые годы) Плеханов, — и в этом его исключительная заслуга, — сумел показать тенденцию русского утопического социализма к выходу за пределы рационалистических утопий, к переходу на позиции научного социализма. Дело заключалось в том, что в ходе борьбы с народничеством важнее было подчеркнуть единство (утопичность) взглядов Герцена и Фурье, Чернышевского и Оуэна, в отличие от научного социализма Маркса. В девятисотые годы борьба с народничеством уже отходила в прошлое и можно было подчеркнуть своеобразие русского утопического социализма.

В чем же Плеханов видит своеобразие русского утопического социализма? Плеханов заметил, что Белинского, а особенно Герцена не удовлетворял в утопическом социализме Фурье или Сен-Симона его субъективистский характер. Великие русские социалисты, указывает Плеханов, стремились преодолеть разрыв между социалистическим идеалом и действительностью, найти в самом объективном развитии общественной жизни внутреннюю, имманентную необходимость социализма. В статьях о Белинском Плеханов тонко подмечает, что недовольство Белинского утопистами «вызывается... абстрактным характером их идеала». ¹ «Он (Белинский, — В. Б., А. С.) был именно нашим Моисеем, который если не избавил, то всеми силами старался избавить себя и своих ближних от египетского ига абстрактного идеала». ²

Известный поворот Белинского к примирению с царской действительностью Плеханов совершенно верно объясняет не филиацией идей, не влиянием гегелевского «колпака», а тем, что «неистовый Виссарион» страстно жаждал конкретных реальных оснований осуществления социалистических мечтаний. Когда Белинский решил, что в русской жизни нет таких реальных предпосылок революционного преобразования, он, с мукой душевной, отказался от дорогого ему идеала, лишь бы не быть пустопорожним сенти-

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 251.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. X, стр. 252.

ментальным мечтателем. Когда, в начале 40-х годов, Белинский почувствовал назревание революционных потрясений в русской жизни, он с настоящим белинским пафосом (используем это его любимое слово) вновь провозгласил свой революционный идеал, стремясь опереть его на реальную почву, на объективные социальные процессы. Дело не в том, подчеркивает Плеханов, насколько действительными и глубокими были эти внутренние процессы. В этом Белинский мог и ошибиться. Дело в принципе,— Белинский стремился к объективному, жизненному оправданию и обоснованию социалистических идей.

Еще определенной звучит эта оценка своеобразных черт русского утопического социализма в статьях Плеханова о Герцене. В интереснейшей статье «Герцен-эмигрант» Плеханов пишет, что для Герцена «социалистическая мысль только тогда может быть признана мыслью, имеющей серьезное общественное значение, если удастся доказать, что она не есть исключительное достояние социалистов, а существует, «как скрытый разум, в непосредственном бытии» общества, т. е. служит сознательным выражением бессознательных общественных отношений. Русская община и представлялась Герцену той общественной формой, в «непосредственном бытии» которой социалистическая мысль объективно существовала как «скрытый разум». ¹ Плеханов сумел раскрыть в настойчивом обращении Герцена (и Чернышевского) к общине не просто теоретическую ошибку, заблуждение, наивность, а гениальную попытку вырваться за пределы рационалистических воззрений.

Плеханов неоднократно возвращается к этой мысли, постоянно подчеркивает необычную для западноевропейских утопистов научную тенденцию Белинского, Герцена, Чернышевского. Приведем лишь несколько свидетельств.

«Герцен и Белинский разными путями в разное время и различным образом,— вследствие разницы в темпераментах и во внешних условиях,— подошли к одной и той же, чрезвычайно важной теоретической задаче: «развить идею отрицания» из объективных условий ее возникновения и тем самым найти объективное ручательство за то, что она восторжествует». ²

В статье «Философские взгляды А. И. Герцена» Плеханов вновь подчеркивает: «Болезненно почувствовав несостоятельность исторического идеализма в деле выяснения вопроса о связи мышления с бытием в истории человечества, Герцен естественно, хотя, должно быть, и не вполне сознательно, обратился в сторону исторического материализма. Его убеждение в том, что общинная Россия осуществит идеал социализма, выработанный индивидуалистическим Западом, представляло собой своеобразную попытку решить ту самую задачу, которую не сумела, по его мнению, решить западноевропейская мысль: русская община сыграла в его полуславянской теории роль страстно искомого им «моста из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение». ³

Плеханов, конечно, прав, когда видит, что учение о крестьянской общине как объективной основе социализма, несмотря на свою утопичность, коренным образом отличается от утопизма Фурье или Сен-Симона. Не в разуме гениального реформатора, а в экономических объективных предпосылках стремятся обнаружить Герцен и Чернышевский залог неизбежности социализма. Они нашли эту объективную предпосылку не там, где

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 431—432.

² Там же, стр. 424—425.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 403.

она находилась действительно, не в развитии крупной машинной промышленности, а в мелкой, консервативной, поддерживаемой интересами царского фиска, сельской общине. Но они уже и с к а л и не гениальную голову и не деньги доброго банкира, а реальную экономическую основу. И именно тут, в этом точном анализе своеобразия русского утопизма, скрывается не только сила, но и основная слабость Плеханова. П р и ч и н у обращения Герцена к общине Плеханов видит исключительно в «теоретическом инстинкте» Герцена, в том, что Герцен, Белинский, Чернышевский, п р о й д я гегелевскую в ы ч к у, стремились найти основу для идеалов в самой действительности.

Плеханов не устает подчеркивать: старым, утопическим «социализмом» могли довольствоваться, — и в самом деле довольствовались, — очень многие из тех передовых людей того времени, которым не случалось пройти (т. е. пройти с некоторым успехом) суровую, но закаляющую школу гегелевской логики. Тех же, которые прошли (повторяем: прошли с некоторым успехом) эту школу, отвлеченные идеалы утопического социализма не могли удовлетворить надолго... Людям этого логического закала нельзя было столкнуться рано или поздно с... загадкой сфинкса,¹ и им нужно было разрешить ее или, по крайней мере, усомниться в утопическом идеале, если им не удавалось додуматься до разгадки. Так было с Белинским; так было с Герценом.²

Плеханов в своем объяснении особенностей русского утопического социализма не показывает главного: эти идеологические особенности были обусловлены особенностями русского исторического развития, особым характером назревающей в России крестьянской революции. Не как последователи Гегеля обратились Герцен и Чернышевский к общине (хотя гегелевская школа не прошла для них даром), а как идеологи русской крестьянской революции; крестьянский утопический социализм отразил нарастание этой революции, ее своеобразные и противоречивые возможности, социальные сдвиги, коллизии.

Странное дело. Блестящий знаток Герцена, полемист, умеющий подметить не только каждое слово, но буквально каждую запятую, каждую точку в писаниях своих противников или оппонентов, Плеханов неоднократно проходит мимо очень важных, решающих для этого вопроса мыслей самого Герцена, полемики Тургенева против Герцена, противоречий Чернышевского и Герцена и т. д.

Дело в том, что Герцен, а особенно Чернышевский часто упоминают о классовой подоплеке их общинного социализма, о том что социализм, да и вообще революция в России, не может быть делом всех классов, а отвечает лишь интересам угнетенных масс, — земледельцев, поденщиков, рабочих, что эта революция должна быть направлена п р о т и в интересов богатых, знатных, власть имущих. И как раз эти мысли упорно не замечает Плеханов.

Так, например, Г. В. Плеханов несколько раз цитирует из речи Герцена в Лондоне 27 февраля 1854 года следующее место:

«Там (в России — В. Б., А. С.) вы встретите два зародыша движения: один — сверху, другой — снизу. Один — преимущественно отрицающий, разлагающий, разъедающий — рассыпается в малых кружках, но готов составить большой, деятельный заговор. Другой — более положительный, хранящий в себе почки будущего образования — находится в состоянии дремоты и бездействия. Я говорю о молодом дворянстве и о сельской общине,

¹ Под загадкой сфинкса Плеханов подразумевает необходимость для утверждения идей социализма, открыть объективную необходимость будущего перехода буржуазной общественной организации в социалистическую.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 425.

которая представляет основную ячейку всей ткани общественной, животворящее начало славянского государства».¹ (Разрядка наша,—В. Б., А. С.)

А вот как Плеханов комментирует это место :

«По мнению Герцена... существование общины в огромной степени облегчит деятельному молодому дворянству его прогрессивную реформаторскую работу». И Плеханов замечает: «В настоящее время может показаться странным, что начиная борьбу за уничтожение крепостного права, Герцен прежде всего обратился к тому сословию, которое было наиболее заинтересовано в его сохранении».²

Герцен говорит о том, что залог будущего — в общине, а революционное дворянство — элемент разрушительный, который способен только помочь развиться общинному началу, который является, так сказать, повивальной бабкой социалистического строя, вырастающего из общины, а Плеханов комментирует: община может, по мнению Герцена, помочь образованному меньшинству. Герцен подчеркивает вспомогательную роль революционной партии в развязывании крестьянской революции, а Плеханов комментирует: странно, что Герцен апеллирует к дворянству, заинтересованному в сохранении крепостного права.

Конечно, Герцен, особенно в тот период, когда писал эти строки (1854 год), еще не перешел окончательно на позиции революционного демократизма, еще верил в добрые чувства прогрессивного дворянства. Но, во-первых, — отнюдь не всего дворянства как класса, а той его революционной части, которая составила благородную когорту декабристов. Во-вторых, 1854 год был на шесть лет позже того 1848 года, когда произошла духовная драма Герцена, когда он утратил иллюзии «надклассового» демократизма. Но об этом — о ленинской и плехановской оценке духовной драмы Герцена, — скажем дальше. В-третьих, как раз в том отрывке, который приводит Плеханов, Герцен отнюдь не обращается к совести дворянства, а говорит об объективном процессе нарастания революционного недовольства снизу и сверху: в народной массе и среди дворянских революционеров, представителей первого периода русского революционного движения. Герцен подходит к характеристике этого революционного меньшинства как революционер, понимающий, что без организованной партии, без сплоченной группы организаторов не обойтись. Плеханов толкует это изречение Герцена в абстрактно-теоретическом плане: Герцен, дескать, видел в разуме дворянства важнейший залог социальных преобразований...

В той же статье («Герцен и крепостное право») Плеханов прослеживает нарастание революционных настроений у Герцена, постепенный отказ от всяких иллюзий о доброй воле дворянства и правительства. Прослеживает тонко и убедительно. Но снова одна странность. Анализируя этот процесс, Плеханов избегает говорить о переходе Герцена на позиции крестьянских масс, о приближении его к идеологии крестьянской революции. Плеханов берет одну сторону дела — разочарование Герцена в либеральном дворянстве, пессимизм Герцена, но недостаточно учитывает вторую сторону этого процесса: переход Герцена на позиции революционного демократизма, мужицкой революционности. Плеханов даже несколько смущен, когда выясняется, что И. С. Тургенев, конечно, с противоположных, либеральных позиций, обрушивается на этот новый, классовый подход Герцена. Плеханов разъясняет, что Тургенев не совсем понял Герцена и Огарева, переоценил, дескать, их революционность.

Тургенев пишет следующее: «Главное наше несогласие с О. и Г....,—

¹ Цит. по: Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 303—304.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 304.

состоит именно в том, что они, презирая и чуть не топча в грязь образованный класс в России, предполагают революционные или реформаторские начала в народе; на деле это—совсем наоборот. Революция в истинном и живом значении этого слова — я б мог прибавить: в самом широком значении этого слова — существует только в меньшинстве образованного класса, — и этого достаточно для ее торжества, если мы только самих себя истреблять не будем»¹.

Приходится признать, что со своих либеральных позиций Тургенев точнее почувствовал революционный дух Герцена и его ориентацию на крестьянство, чем Плеханов, прекрасно разобравшийся в философских воззрениях Герцена и в характере его утопического социализма, но просмотревший переход «Искандера» к идеологии крестьянской революции. Мы сказали, пожалуй, слишком резко. В целом Плеханов не заслуживает того упрека, который мы ему сейчас сделали. В цитированных выше статьях «Герцен-эмигрант», «Философские взгляды Герцена», Плеханов гораздо точнее, полностью по-марксистски и полностью по-плехановски (в хорошем смысле слова по-плехановски) оценивает революционный характер мировоззрения Герцена, его приближение к историческому материализму. Но вот в статье «Герцен и крепостное право» Плеханов почему-то отходит от этих правильных позиций. Именно на таком материале (крепостное право), который толкает к выводам о революционном демократизме Герцена, Плеханов не делает этих выводов. Но он их делает на другом, — чисто теоретическом или биографическом материале. В чем тут дело? Что за парадокс?

Разрешить этот парадокс, а вместе с тем основательнее разобраться в оценке Плехановым русского утопического социализма нам поможет другой еще больший парадокс: отношение Плеханова к величайшему революционеру-демократу XIX века Чернышевскому.

Глубоко проникнув в стремления Белинского и Герцена выйти за пределы утопического социализма, найти объективную основу для своих социалистических идеалов, Плеханов почему-то гораздо более недоверчив и даже подозрителен к подобным поискам Чернышевского. Утверждая, что Герцен делал попытки поставить социализм «на прочный фундамент науки»,² Плеханов не замечает еще более серьезных «попыток» Чернышевского выйти за рамки утопического социализма.

Сопоставляя взгляды Герцена и Чернышевского на пути общественно-го развития России, Плеханов отмечает, что рассуждения Герцена «отчасти опирались на ту верную, хотя и не продуманную до конца мысль, что сознание определяется бытием. И поскольку Герцен держался этой совершенно правильной мысли, — повторяем, она далеко не достигла у него полной ясности и далеко не была продумана до конца, — постольку он был ближе, нежели Чернышевский, к тому материалистическому объяснению истории, которое одно только и может открыть нам истинные пружины общественного развития».³ Откуда такая немилость к Чернышевскому, тем более странная, что Плеханов великолепно разобрался в философских воззрениях Чернышевского?

Рассмотрим этот вопрос детальнее.

* * *

Анализу социально-политических воззрений Чернышевского и его социалистических теорий специально посвящена вторая часть обширной

¹ Цит. по Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 336.

² Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 407.

³ Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 271.

работы Плеханова «Н. Г. Чернышевский», а также статья о Чернышевском, написанная к двадцатилетию со дня его смерти и полемическая работа «Еще о Чернышевском», направленная против попытки Ю. М. Стеклова отождествить социализм Чернышевского с научным социализмом Маркса. Во всех статьях, особенно в основном труде о Чернышевском, Плеханов очень точно и доказательно вскрывает различие между крестьянским социализмом Чернышевского и научным коммунизмом, показывает, что отдельные материалистические догадки, гениальные прозрения Чернышевского, на которые ссылается Ю. М. Стеклов, не позволяют еще делать вывод о переходе Чернышевского на позиции исторического материализма. В целом, доказывает Плеханов, Чернышевский остается историческим идеалистом. Впрочем, будем справедливы, Плеханов объективен. Он упоминает о стремлениях Чернышевского научно обосновать свой социализм, в особенности в работе «Критика философских предубеждений против общинного владения».

Анализируя эту «во многих отношениях замечательную статью», Плеханов показывает, что Чернышевский выступает противником народничества, в частности противником народнических представлений об особой миссии России, окончательно порывает со славянофильскими колебаниями и настаивает на единстве основных закономерностей развития Западной и Восточной Европы, Англии и России. В своем доказательстве объективной необходимости социализма Чернышевский апеллирует ко всеобщему закону спирального развития. Плеханов пишет, что «Чернышевский спорит... с экономистами отсталой школы», находившими, что общинное владение землей достойно лишь диких или варварских племен. Он опровергает это мнение, ссылаясь на знаменитую мысль Гегеля о том, что третья и конечная фаза в развитии всякого данного явления по своей форме похожа на первую. Народы начали с общинного землевладения и они снова вернутся к нему в своем дальнейшем развитии».¹

Свои надежды на развитие социализма из сельской общины Чернышевский обосновывает не «мессианскими» кликушествами, не славянофильскими заклинаниями. Он рассуждает иначе. Суть его логики проста. Страна, позже других вышедшая на историческую арену, может избежать или сократить некоторые этапы развития, пройденные передовыми странами, используя их опыт, перенимая их технику, учитывая их ошибки.

Чернышевский делает такой вывод: «Когда известное общественное явление в известном народе достигло высокой степени развития, ход его до этой степени в другом, отставшем народе может совершиться гораздо быстрее, нежели как совершался у передового народа... Это ускорение состоит в том, что у отставшего народа развитие известного общественного явления, благодаря влиянию передового народа, прямо с низшей степени перескакивает на высшую, минуя средние степени... Если же эти средние степени достигают и реального осуществления, то разве только самого ничтожного по размеру и еще более ничтожного по отношению к важности для практической жизни».¹

Рассуждения замечательные. Правда, Чернышевский не показал и не мог показать, что условием такого ускоренного пробега определенных исторических этапов (или прямого пропуска этих этапов) является помощь пролетариата более передовых стран, победа социалистической революции в этих странах. Короче говоря — Чернышевский не был марксистом. Это — аксиома. Но в общетеоретической форме Чернышевский поставил вопрос

¹ Г. В. Плеханов. Соч., т. VI, стр. 34—35.

² Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения, М., 1938, стр. 194—

совершенно правильно, причем постановка этого вопроса имела громадное практическое значение для всех сравнительно отсталых стран в XIX веке и приобрела еще большее значение в XX веке. Больше того. Убеждение, что не обязательно в каждой стране доходить до самых высших пределов развития капитализма, чтобы совершить социалистическую революцию, это убеждение составляло один из важнейших моментов ленинской теории и стратегии социалистической революции в России.

Уже в одной из первых работ Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» высказывается эта идея, причем не как частное, мало возможное допущение, а как важный теоретический прогноз.

«...Для возникновения коллизий в какой-нибудь стране вовсе нет необходимости, чтобы именно в этой стране противоречие это было доведено до крайности. Конкуренция, вызванная расширенным международным общением с более развитыми в промышленном отношении странами, является достаточной причиной для того, чтобы породить и в странах, обладающих менее развитой промышленностью, подобное же противоречие».¹

Почти через 80 лет В. И. Ленин говорил на II-ом конгрессе Коммунистического Интернационала: «Можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно... с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».²

Совершенно очевидно, что логика мысли Н. Г. Чернышевского (мы говорим о логике, а не о конкретно-историческом обосновании) тождественна логике Маркса и Ленина. Логика эта отвечает логике вещей, то есть по своей тенденции, по направлению является материалистической.

Но как раз в этом пункте наиболее близкого приближения Чернышевского к научному социализму и начинается отказывать Плеханову его теоретическая пронизательность и чуткость. Он заключает, что Чернышевский «приурочивал свои ожидания к субъективным, а не к объективным факторам развития, к распространению знаний, а не ко внутренней логике общественных отношений».³

Не правда ли, странно? За одно обращение к общине Плеханов хвалит Герцена, «стремящегося найти объективную основу социалистических идеалов», но рассмотрев конкретный подробный анализ Чернышевского, показывающего, что крупная промышленность, машинная техника делает необходимым переход к социализму,⁴ Плеханов считает нужным огра-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 74—75.

² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 219.

³ В. Г. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 35.

⁴ «...Обработка земли начинает требовать таких капиталов, которые превышают средства огромного большинства земледельцев, а земледельческое хозяйство требует таких размеров, которые далеко превышают силы отдельного семейства и по обширности хозяйственных участков также исключают (при частной собственности) огромное большинство земледельцев от участия в выгодах, доставляемых ведением хозяйства, и обращают это большинство в наемных работников. Этими переменами уничтожаются те причины преимущества частной поземельной собственности перед общинным владением, которые существовали в прежнее время. Общинное владение становится единственным способом поставить огромному большинству земледельцев участие в вознаграждении, приносимом землею, за улучшения, производимые в ней трудом. Таким образом, общинное владение представляется нужным не только для благосостояния земледельческого класса, но и для успехов самого земледелия: оно оказывается единственным разумным и полным средством соединить выгоду земледельца с улучшением земли и метода производства с добросовестным исполнением

ничиться лишь сердитым упоминанием о субъективизме Чернышевского. (Как это, мол, так, кто разрешил России перескакивать через необходимые исторические этапы?) Отчасти, такое недовольство взглядами Чернышевского объясняется потребностями полемики с народниками, которые, по словам Плеханова, ухватились за мысль Чернышевского о возможности перескочить через капиталистическую стадию развития. Но дело не только и даже не столько в этом. Дело в том, что как раз в этом пункте догматизм Плеханова начинает брать верх над его теоретической проницательностью.

Заметив, что, «абстрактно говоря», возможно ускоренное прохождение определенных исторических этапов, Плеханов не обнаруживает конкретных возможностей такого ускоренного, скачкообразного развития для России. И тут мы переходим к общей концепции Плеханова о русском историческом пути. Именно эта концепция помешала ему до конца понять особенности русского утопического социализма, именно она сближает Плеханова с буржуазными либералами, отдаляет не только от Чернышевского, но и от Ленина. Как известно, плехановская концепция заключалась, коротко говоря, в следующем. Буржуазная революция в России будет тождественна буржуазным революциям на Западе, будет отделена на целую историческую эпоху от социалистической революции, должна возглавляться не пролетариатом, а буржуазией. В этой исторической концепции не находилось места для крестьянской революции, для соединения идей революционного демократизма и социализма. Эта концепция противопоставлялась концепции исторического развития России, сформулированной В. И. Лениным и большевиками, особенно в период первой русской революции. По ленинской концепции успех буржуазной революции в России зависит от изоляции крупной буржуазии, причем буржуазно-демократическая революция должна быть прологом революции социалистической.

А теперь вспомним Чернышевского, который утверждал, что Россия перескочит через этап капитализма, благодаря особому размаху крестьянской революции в России, благодаря тому, что эта революция разовьет в России силы, способные возглавить борьбу за социализм. Представление о социалистическом характере крестьянских требований и крестьянской революции носило абсолютно утопический характер и не имело в себе ни грана социализма. Но революционный демократизм Чернышевского, понимание того, что крестьянская революция в России сможет победить только в борьбе с буржуазными либерализмом, только отказываясь от буржуазного руководства, только в союзе с социалистическими силами (характер этих социалистических сил был Чернышевскому неясен), этот революционный демократизм и был основной особенностью русского утопического социализма, той особенностью, которую не заметил и не мог заметить Плеханов с позиции своей исторической концепции. Но как раз эта особенность русского утопического социализма свидетельствует о близости, хотя не тождественности, той концепции исторического развития России, которую развивали Чернышевский и Добролюбов, и ленинского понимания исторических закономерностей русской революции.

Заметив и раскрыв основное теоретическое превосходство русского

работы. А без этого соединения невозможно вполне успешное производство». (Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения, М., 1938, стр. 184—185).

Говоря об общине уральских казаков, Н. Г. Чернышевский высказывает генеральное предвидение: «Если уральцы доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда введены будут в хлебопашество машины, то уральцы будут очень рады, что сохранилось у них устройство, допускающее потребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин» — и замечает, что «успехи механики и технологии несомненно доказывают, что такое время придет». (Цит. по Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 119).

утопического социализма (стремление найти объективную основу социалистических идеалов), Плеханов не заметил и прошел мимо основной социально-политической особенности этого утопизма — его классовой направленности, его связи с движением самих трудящихся масс.

Плеханов рассуждал так: крестьянин социалист? Нет. Чернышевский говорит о каком-то крестьянском социализме. Это заблуждение и одно заблуждение. А ленинизм рассуждает иначе. Этот крестьянский социализм, утопический по своим основам — является определенным симптомом — симптомом особого демократизма русского крестьянства, его ненависти к буржуа, говорит о возможности для пролетариата обеспечить союз с этим крестьянским движением. Именно классовая четкость, резкость позиций Чернышевского как идеолога крестьянской революции и приближает его к научному социализму. Там, где западно-европейские утопические социалисты говорили о надклассовом и внеклассовом стремлении к социализму «всех хороших людей», там Чернышевский требовал «диктатуры земледельцев + поденщиков + рабочих» и истребления всех консерваторов и либералов, как гарантии победы социализма.¹ Конечно, утверждение, что крестьянство «само по себе» будет стремиться к социализму было крупнейшим теоретическим заблуждением Чернышевского, но его учение о классовом характере социалистической революции остается его основной заслугой в развитии социалистической теории.

Оставаясь в плену своей исторической концепции, Плеханов прошел мимо этой заслуги, не усмотрел в этой мысли Чернышевского гениального, хотя не до конца осознанного, предвидения, что крестьянская революция в России может быть возглавлена только социалистическими силами, что она (крестьянская революция) не будет отделена целой исторической эпохой от революции социалистической, явится ее непосредственным прологом.

Недостаточное внимание к этой особенности русского утопического социализма, к стремлению связать борьбу за социализм с классовой борьбой трудящихся, не позволило Плеханову до конца разобраться также в причинах и характере духовной драмы Герцена после революции 1848 года. Между тем вопрос этот исключительно важен, поскольку именно 1848 год был переломным пунктом в развитии русского социализма, в переходе русских утопических социалистов революционно-демократического толка к идеям классовой борьбы.

Если В. И. Ленин в своей статье «Памяти Герцена» доказывает, что возникший после 1848 года скептицизм Герцена был «формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата»,² то Плеханов утверждает, что, разуверившись в западной революции, поскольку там дело связано с классовой борьбой, Герцен обратился к надклассовому движению за социализм в России. Этот вывод не подтверждается ни фактами, ни логикой рассуждений Герцена. Ведь крестьянская сельская община, при всех ее недостатках, воплощала отнюдь не надклассовость русского революционно-го движения, а символизировала для Герцена и Чернышевского соединение социализма с интересами определенного класса, — а именно крестьянства. Считая, что на Западе все крестьяне — собственники, а рабочий класс еще слишком слаб для совершения социалистической революции, Герцен и Чернышевский обратили свои взгляды к русскому крестьянству, как представителю угнетенных классов, способному (как им казалось) повести решительную борьбу

¹ См. Дневник Чернышевского от 1850—53 гг. Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения, т. III, М., 1951.

² В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11.

и против самодержавия (демократизм) и против крупной либеральной буржуазии (социализм).

Плеханов хорошо понял, как повлияла на Герцена и Чернышевского гегелевская закалка, но недостаточно учел ту закалку, которую получили и Белинский, и Герцен, и Чернышевский в школе революционной борьбы.

Подведем некоторые итоги.

В чем действительно заключалось коренное своеобразие русского революционно-демократического утопического социализма, и в какой мере раскрыл это своеобразие Г. В. Плеханов.

1. Если западноевропейские утопические социалисты все свои надежды возлагали на гениальный разум социалистических реформаторов, то русские революционеры-демократы стремились найти объективную экономическую основу, определяющую необходимость победы социализма. По своей тенденции это стремление было материалистическим, хотя в результате этих исканий (желанная основа была найдена в сельской общине) и Герцен и Чернышевский не вышли за пределы утопических воззрений.

Это своеобразие русского утопического социализма было четко, глубоко и убедительно раскрыто Г. В. Плехановым.

2. Если западноевропейские утопические социалисты мечтали о том, что социализм явится результатом реформаторской деятельности всех «хороших людей», если они полагали, что борьба за социализм будет носить внеклассовый характер, то русские революционеры-демократы, и больше всего — Чернышевский, связали свои надежды с классовой борьбой угнетенных масс. Основной класс, способный осуществить социалистические преобразования — крестьянство, — так полагал Чернышевский. Это была утопия. И это было верой в революционные возможности народа. Утопизм этих взглядов Плеханов заметил и разобрал. Революционный оптимизм этих воззрений не взволновал, не тронул, не поразил Плеханова. Плеханов прошел мимо связи русского утопического социализма с революционным классовым, крестьянским движением.

3. Если западноевропейские утопические социалисты отвергали революционный путь к социализму, то Герцен, Чернышевский, Добролюбов видели в крестьянской революции единственную реальную основу перехода к социализму, единственную возможность социалистического развития сельской общины. И это было не субъективистская, а, в основе своей, материалистическая позиция. В революционном процессе меняются и люди, и экономические отношения, и социальные потенции. Плеханов увидел в надежде на крестьянскую революцию только утопизм (утопизм тут, конечно, был: крестьянская революция не может быть по своей природе социалистической революцией), но не увидел коренного отличия русского утопического социализма от западноевропейского: его революционности, в отличие от реформаторства.

Действовал гипноз догматической исторической концепции.

Плеханов от имени священной теории «запрещал» сокращение для России исторического пути, использование крестьянской революции для дела социализма, а поэтому закрывал глаза на гениальное революционное предвидение, скрывающееся в утопической форме социалистических воззрений Герцена и Чернышевского.

Это революционное предвидение основывалось; правда, не столько на научном анализе, сколько на классовом инстинкте, — Чернышевский понимал, чувствовал, что крестьянство может победить только в борьбе против буржуазных либералов, этих профессиональных предателей революции. Соединение социализма с демократизмом, характерное для Чернышевского, будучи с абстрактно-теоретической точки зрения

заблуждением, было революционным прогнозом с практическо-политической точки зрения, прогнозом необходимости соединения крестьянской революции с социалистическим движением.

Этот скачок через типичный (для Западной Европы) этап мирного буржуазного развития, скачок, необходимый в социальном развитии России, Плеханов, со своих догматических позиций, мог только осуждать. Осуждая утопизм Чернышевского, он осуждал не только его действительный утопизм (надежду на социалистический характер крестьянской революции), но и мнимый утопизм Ленина (уверенность в возможности соединения — в период империализма — буржуазно-демократической и социалистической революции, — в единый революционный процесс).

Меньшевистская пристрастность Плеханова помешала ему увидеть глубокую социальную основу своеобразных черт и особенностей утопического социализма русских революционеров-демократов.

* * *

В октябре 1912 года В. И. Ленин писал:

«Ясно, что марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс.

В старой марксистской литературе, 80-х годов прошлого века, можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро. Когда-нибудь историки изучат систематически это стремление и проследят связь его с тем, что получило название «большевизма» в первое десятилетие XX века.¹

Нам легко осуждать Плеханова с высот ленинизма, с позиций современности. В свое время, — в 80-е и 90-е годы, Плеханов свое дело сделал. Раскрывая недостатки русского утопического социализма, он бил по самому большому месту всей народнической идеологии, показывая, что даже революционные предки либеральных народников не могли вырваться за пределы утопических воззрений.

Вместе с тем, Плеханов нащупал и достаточно четко определил, в каком направлении русские революционеры-демократы стремились вырваться за эти пределы, — в направлении материалистических исканий объективной экономической основы социалистических идеалов.

Если рассмотреть отношение Плеханова к русским революционерам-демократам в абстрактно-теоретическом плане, то можно заключить, что Плеханов был во всем прав. Он был прав, утверждая, что ни один из русских революционеров-демократов не вышел за пределы утопического социализма.

Он был прав, утверждая, что вера в социалистический характер крестьянской общины была утопической, фантастической верой.

Он был прав, утверждая, что крестьянская революция не может быть социалистической революцией, что вера в ее социалистический характер — сплошной утопизм.

Он был прав, утверждая, что не крестьянство, а пролетариат, является классом, способным осуществить социалистический переворот, и поэтому Россия не может перескочить через этап капиталистического развития — этап формирования революционного пролетариата.

Буквально во всем этом Плеханов был совершенно прав.

Его ошибки начинаются там, где начинается его непонимание тенденций направления русского исторического пути в условиях XIX—XX веков.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 330.

В этот период буржуазное развитие и созревание рабочего класса настолько ускоряется и катализируется, буржуазия так быстро и бесповоротно откатывается в лагерь реакции, что утопическая надежда Чернышевского и Добролюбова на социалистический характер крестьянской революции оборачивается революционным предвидением соединения двух этапов революции (буржуазно-демократического и социалистического) в единый революционный процесс.

В начале настоящей статьи мы утверждали, что частный вопрос об отношении Плеханова к утопическому социализму русских революционеров-демократов оказывается ключевым пунктом для освещения трех теоретических проблем.

Теперь мы можем вкратце подытожить решение этих трех проблем.

1. Теоретическая и практическая деятельность Г. В. Плеханова оказалась важной «составляющей» перехода от второго (разночинского, крестьянско-утопического) периода развития русского революционного движения к третьему периоду, периоду пролетарской революции.

2. Плехановская концепция русского исторического пути, согласно которой между буржуазно-демократической и социалистической революциями в России лежит длительная эпоха мирного капиталистического развития, эта концепция помешала Плеханову последовательно и всесторонне понять своеобразные особенности и преимущества русского утопического социализма, а именно — его революционно-демократический характер.

3. В своей концепции русского исторического развития, в своей надежде на особую революционность русского крестьянства, в своей принципиальной ненависти к русскому либерализму Чернышевский и Добролюбов (несмотря на утопическую форму их теорий) держали руку на действительном внутреннем пульсе развития русской истории, были революционными предшественниками большевизма.

Теоретические ошибки Плеханова были неизбежными ошибками честного, ортодоксального марксиста периода домонополистического капитализма, не сумевшего до конца, — в этом и беда и вина Плеханова, — разобраться в сложных перепитиях, противоречиях, сдвигах новой исторической эпохи, эпохи империализма, не сумевшего с высот ленинизма по-новому увидеть и историческое прошлое России. Именно это противоречие объясняет и величие и ограниченность Плеханова в понимании утопического социализма русских революционеров-демократов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

М. Садыков. Коммунистическая партия в борьбе за формирование и развитие рабочего класса Таджикистана	3
Б. Шариф-зода. Великая Октябрьская социалистическая революция и пробуждение самосознания трудящихся Восточной Бухары	18
Х. С. Саидмуратов. Национализация промышленности Туркестана в первые годы советской власти	26
И. Т. Сагай. Великая Октябрьская социалистическая революция и создание очагов промышленности в Таджикистане	47
М. Шукуров. Из истории развития сети культурно-просветительных учреждений в Таджикистане	63
Ю. А. Шибаета. Киргизы Восточного Памира в братской семье народов Таджикистана	83
В. С. Библер, А. Г. Слонимский, Г. В. Плеханов и утопический социализм русских революционеров-демократов	96
Д. Е. Хайтун. Пережитки тотемизма у хакасов	111
Б. Искандаров. Англо-русское соглашение 1895 года о Памире	125

Дж-1 - 9782

ОЭ 1961 г.
Акт № 184